

А. А. К и м, Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Йошкар-Ола 1999.

26 марта 1999 года в Марийском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Александры Аркадьевны Ким на тему «Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира». Работа выполнена в Томском государственном педагогическом университете по специальности «Финно-угорские и самодийские языки». Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук А. И. Кузнецова, Л. Ш. Арсланов и Н. Н. Глухова.

В последние десятилетия при возросшем интересе лингвистов к изучению языков малочисленных народов, в том числе и самодийских, появилось множество исследований по селькупскому языку, посвященных в основном фонетико-фонологическим и грамматическим проблемам. Разработка научных вопросов, связанных с лексикой и семантикой, только начинается. Запоздалый интерес к изучению словарного запаса селькупского языка может быть объяснен двумя моментами. С одной стороны, он связан с отсутствием в настоящее время необходимого для лексико-семантического анализа количества опубликованных текстов, записанных еще в те времена, когда родным языком пользовались все селькупы, когда среди них было немало мо-

нолингвов, когда в хорошей сохранности был богатый селькупский фольклор. С другой стороны, в связи с разрушением селькупского языка, стремительным забвением его селькупами, переходящими на русский язык, в последние десятилетия возникла трудность со сбором нового лексического материала. Ни для одного диалекта не существует сегодня и большого селькупского словаря, хотя бы в объеме 10 тыс. слов. Все эти факторы замедляли работу лингвистов в области лексикологии и тем более — семантики. До сих пор было предпринято лишь десятка два попыток синхронного анализа тематических полей селькупского языка, и среди ни одного исследования, в котором рассматривалась бы лексика духовной культуры. Именно этот пробел и восполняет работа А. А. Ким.

Из всего богатства лексики духовной культуры автор выбирает поле культовой лексики, которая описывается с двух точек зрения — языковой и культурологической. Проблемы, касающиеся культурных традиций, религии и культуры селькупов решаются при этом через анализ лексики. Результатом же данного анализа должно быть восстановление разрушенного внеязыкового мира, отраженного в языковом материале. Цель работы, сформулированная как «исследова-

ние фрагмента словарного состава селькупского языка, реконструкция картины мира по этнолингвистическим данным» (с. 10), достигается с помощью комплексной методики. Автор применяет и дистрибутивно-описательный метод анализа, и компонентный анализ, и сравнительно-исторический, благодаря которому становится возможным выявить в ряде шаманских терминов их первичную внутреннюю форму, и, наконец, «прием сопоставления культурных и лингвистических реалий, семантической, словообразовательной и словоупотребительной характеристики культовой лексики в языках сибирского ареала, как родственных, так и не родственных селькупскому языку» (с. 10—11) (иными словами, методику типологического анализа). Методы и приемы лингвистического анализа дополняются этно-культурным подходом к исследованию селькупской культовой лексики, которая моделируется как полярная система: на одном полюсе концентрируются слова, допускающие по отношению к себе, по мнению А. А. Ким, применение всех методов лексикологического анализа, а на другом представлена табуированная лексика. Автор считает, что к этому второму пласту слов применим лишь семантический анализ, не разъясня, впрочем, что именно следует считать табуированными лексемами и что имеется в виду под семантическим методом анализа (с. 13). Цели и методы исследования, как и характеристика источников, из которых кропотливо, «поштучно» собирался материал для работы, даны во Введении (с. 6—28). К сожалению, автор не подытожила аккуратно проведенный анализ источников: остается неясным, какие из них более достоверны, какие — менее и в каком отношении (фонетическом, морфологическом или в отношении исторических реалий); непонятно, источники какого типа и какого времени дали больше слов, какие — меньше; в южных или северных диалектах наблюдается лучшая сохранность культовой лексики и т.д. Ответы на все эти вопросы имплицитно содержатся в работе, поскольку есть описание источников, но желательно было бы выразить их и в явном виде. Отсутствие характе-

ристики с точки зрения пространства и времени культовых терминов, собранных по многочисленным источникам, не позволяет судить об особенностях функционирования культовой лексики (а тем самым и о картине мира) у селькупов в разное время и в разных районах проживания. Анализируемая система представлена вне времени и пространства. Впрочем, в процессе конкретного анализа материала южных и северных селькупов автор частично исправляет этот недостаток, указывая (с. 103) на специфику северного и южного селькупского шаманства, проявляющуюся отчасти в терминологии: так, *tətyry* и *qamytyryl' qup* закрепились в основном в северном этнолингвистическом ареале, а *kedyl' qup* — в южном (ср. также с. 215—216). Желательной являлась бы попытка сопоставления реконструируемой картины мира у селькупов не только в разных районах их обитания, но и в разные периоды. Правда, в силу объективной сложности, наверно, невозможно собрать равноценный материал по трем историческим периодам (не говоря уже о доисторических): 150-летней давности, времен работы М. А. Кастрена; 1920—1940-х годов, когда собирался материал Е. Д. и Г. М. Прокофьевыми на севере, а в 1950-е годы на юге Р. А. Ураевым; последнее время, когда от системы остались лишь осколки, и стройная картина мира превратилась в совокупность суеверий, примет и т.д. Обо всем этом следовало бы сказать эксплицитно.

Глава 1 (с. 29—56) содержит квалифицированный обзор литературы по теориям и методам исследования лексико-семантической системы языка, причем особое внимание уделено работам Н. И. Толстого, Е. А. Найды и А. Вежбицкой. Культовую лексику селькупского языка автор рассматривает как одну из лексических сфер тезауруса и применяет к ней методику компонентного анализа. Первоначально, на первом этапе работы, семантические составляющие предлагаются не для отдельных слов группы, а для поля в целом. В результате выделяются микрополя (субполя), слова в которые объединяются по шести семантическим составляющим. Эти компонен-

ты удивительным образом напоминают функции падежей, передающих, по Чарльзу Филлмору, глубинные синтактико-семантические отношения, хотя сам анализ проводился на поверхностном уровне. Воспользовавшись грамматическим термином, А. А. Ким определила модель смысловой организации поля культовой лексики как «семантическую культовую парадигму». Составляющими этой парадигмы выступают субъектив (названия шаманов), объектив (названия душ, на которые направлены действия шаманов), инструменталь (названия предметов, используемых шаманами во время камлания, названия приносимых жертв и особый эзотерический лексикон, шаманская глоссолалия, требующая перевода и интерпретации, осуществляемой специальными помощниками шамана), локатив, адессив (сверхъестественные существа, которым адресованы культовые действия) и процессив (культовые действия, представленные глаголами или именами действия). А. А. Ким сама указывает на некоторую условность и не всегда четкую разграниченность элементов культа, но в целом такой подход к анализу культовой лексики надо признать весьма удачным и нетривиальным.

Глава 2 (с. 57—79) продолжает, с одной стороны, тему первой главы, в которой шла речь о сферах тезауруса в общетеоретическом плане, а с другой стороны, предваряет проводимый в последующих трех главах конкретный анализ культовой лексики селькупского языка по выделенным ранее семантическим составляющим культовой парадигмы. Во 2-й главе говорится о месте, которое занимает поле культовой лексики в идеографическом словаре, и в историческом аспекте рассматривается формирование слов этой лексической сферы по этимологическим словарям. Сравнение культовой лексики в прауральском, прафинно-угорском и прасамодийском словарном фонде позволило автору сформулировать вывод о том, что «формирование понятийного поля культа / религии, вызывающего появление соответствующей вербальной интерпретации», наблюдается лишь на общесамодийском этапе (с. 66). В результате выборки из различных

лексикографических источников культовой лексики А. А. Ким собрала около 60 опорных лексем (с. 70—79), которые и были подвергнуты анализу в следующих главах.

Глава 3 (с. 80—121) дает подробное описание субъектива и объектива культа, элементы которых тесно связаны между собой. А. А. Ким, проанализировав имеющиеся в ее распоряжении контексты, установила семантические составляющие субъектива культа, то есть различных наименований шаманов. Сравнение итоговых определений разных типов шаманов, камляющих в светлом чуме, в темном чуме; с бубном или без него и др. (с. 93, 95 и 99), позволило бы автору установить наличие для разных субъективов как общих, так и различных сем (иначе: = семантические составляющие = семантические множители = компоненты и т.п. термины), характеризующих одновременно элементы и других членов семантической парадигмы — объектива культа, инструменталья, локатива. Автор писала (с. 103), как уже отмечалось, что *qamytyryl' qur* и *kedyl' qur* встречались первый у северных, второй у южных селькупов, но не задалась вопросом, в чем причина расхождения их функций и способа камлания: в различиях мировосприятия или в чем-то другом? На с. 215 говорится о близости (но не идентичности?) функций этих шаманов, на что следовало бы указать раньше. Сеть пересечений и семантические отношения устанавливаются между некоторыми элементами семантических составляющих парадигмы, к сожалению, лишь в конце 5-й главы, хотя это напрашивается быть сделанным после каждой конкретной составляющей парадигмы.

В разделе «Объектив культа» рассматриваются слова, означающие те элементы культа, на которые направлены действия субъектива культа (шамана). Объективы культа — это имена душ, их девять. Как и при анализе лексических единиц, обозначающих шаманов, автор выделяет признаки (семантические компоненты), с помощью которых можно четко установить точки сближения и расхождения в семантике слов, называющих разного рода души. К сожалению, автор

не формулирует в явном виде, что в рамках каждого субполя она использует компонентный анализ как бы второго уровня, применимый к отдельным словам внутри микрополя «Объектив культа» и частично пересекающийся с семами, использованными при выделении составляющих семантической культовой парадигмы. Если при подведении итогов исследования микрополя «Субъектив культа» А. А. Ким устанавливала для каждого из девяти названий шаманов семантические составляющие их наименований, не сводя результаты воедино (о чем уже говорилось), то, завершая описание слов, входящих в поле «Объектив культа», она дала сводную матрицу (с. 120). Помещенные в матрице 29 семантических компонентов можно было бы распределить по нескольким рубрикам. Кстати, в таблице имеются досадные пропуски: нельзя узнать, например, какая контролирует половые функции человека, какая душа находится в среднем пальце (знак "+" не проставлен). Среди сем, перечисленных в рамках объектива культа, некоторые можно интерпретировать как семы, указывающие на место нахождения души (локатив), на направление ее перемещения или на конечный пункт действия (датив-аллатив, иллатив), на способность души превращаться в кого-либо (транслатив) и даже (не исключено!) на обладателя души (посессив) или на причину действий души (каузатив). Аналогия с падежной парадигмой, в которой выделяется сначала ограниченное (всего шесть) количество падежей, а затем внутри каждого падежа указываются частные грамматические значения, конкретные сферы употребления, может быть таким образом продолжена. Некоторые из пяти намеченных первоначально парадигм (процессив в работе стоит особняком, хотя и может быть сближен с субъективом культа, где рассматриваются функции шаманов) придется считать дефектными, поскольку не в каждой из них наличествуют «падежи», только что перечисленные для объектива культа.

Глава 4 (с. 122—156) содержит анализ инструменталия и локатива культа в пределах семантической культовой парадигмы. Описывая названия прино-

симых жертв и названия предметов шаманства, А. А. Ким невольно отступает от чисто лексического анализа, увлекаясь этнографическими подробностями. Особый интерес вызывает анализ лексикона селькупских шаманов (с. 141—150). Здесь говорится о тайном шаманском языке, о возможных и мнимых терминах шаманского языка, о словах, перешедших в разговорную речь селькупов, и о таких, смысл которых утрачен.

Под локативом культа понимаются названия мест, где отправляется культ, и места хранения культовых вещей. Автору можно было бы задать вопрос: какие культовые вещи, где и в какого рода строениях хранятся, но на с. 156 А. А. Ким сама с грустью констатирует, что в виду фрагментарного характера информации только у одной из приведенных лексем (*рбгу*) «вырисовывается более или менее цельный семантический облик».

В главе 5 (с. 157—218) рассматривается адессив культа, то есть наименования сверхъестественных существ, и процессив культа, набор элементов которого представляют не имена, а глаголы, обозначающие культовые действия, типа 'предсказывать', 'сглазить', 'жертвовать', 'ворожить', 'пускать порчу' и т.п. Данную составляющую следовало бы соотнести с субъективом культа, в рамках которого также говорится о функциях шаманов.

Адессивы культа иерархически стоят выше субъективов культа, о чем пишет сама А. А. Ким на с. 157, указывая (со ссылкой на Е. Д. Прокофьеву), что, например, женские божества-матери ведали среди многого другого и шаманством. В таком случае, возможно, надо именно эту составляющую культовой парадигмы считать основной, а остальные (в том числе субъективы культа) рассматривать по отношению к ней.

5-я глава заканчивается разделом (с. 215—218), в котором речь идет о различных способах семантической организации субполей культовой парадигмы. По сути дела, это — итоговые замечания по поводу всего сказанного о пяти элементах семантической культовой парадигмы (процессивы — как особняком стоящий элемент парадигмы — здесь не об-

суждаются). Относительно субъективов автор говорит в данном разделе, что на синхронном уровне функции шаманов близки между собой, и потому намечается тенденция к синонимизации названий разных шаманов. Тот же процесс синонимизации происходит за счет диалектных вариантов и переносных наименований и в других членах парадигмы (в объективах, инструментах и пр.). Высказанные в этом разделе замечания автора до известной степени снимают упрек, сделанный в начале рецензии.

Глава 6 (с. 219—289) обращена к проблеме реконструкции картины мира в понимании селькупов и содержит структурно-генетический анализ селькупской культовой лексики. По мнению А. А. Ким, такой анализ «представляется полезным пополнением материала для этногенетических исследований» (с. 225). Рассмотрение разнообразных, часто противоречащих друг другу точек зрения на происхождение селькупов и на прародину уральцев побудило автора обратиться к этимологическому анализу лексики уральского и самодийского происхождения с установлением лингвокультурных параллелей на основе подобного анализа, а также к выявлению в селькупской культовой лексике угорских, тюркских, русских и других заимствований. К сожалению, вне поля зрения А. А. Ким остался прекрасный «Этимологический словарь русских диалектов Сибири» А. Е. Аникина (1997), в котором встречаются этимологии слов, заимствованных из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Эти этимологии порою отличаются от приведенных в исследовании А. А. Ким и могут быть полезными при установлении типологических параллелей. В своих выводах относительно происхождения и прародины селькупов автор осторожна и часто солидаризируется с точкой зрения Е. А. Хелимского.

Заключительным разделом данной главы является реконструкция картины мира селькупов, восстанавливаемая на основе анализа селькупской культовой

лексики. Данная часть работы по сути является этнографическим описанием исследуемой проблемы.

Заключение с изложением результатов исследования, весьма представительная библиография ((350 наименований) и приложение, содержащее 22 текста на селькупском и русском языках, завершают работу.

Как почти в любом монографическом исследовании, в работе имеется ряд досадных неточностей: используя матрицы, автор упорно называет их диаграммами (с. 39, 94, 99, 120, 141 и др.); к материалам XVIII — начала XIX вв., содержащим записи селькупских слов, ошибочно отнесены (с. 19) словники, составленные А. Ф. Плотниковым в 1897 г., а изданные в 1901 г., и топонимические названия, собранные Б. М. Житковым и изданные в 1913 г.; работа по созданию автоматического кумулятивного словаря селькупского языка ведется О. А. Казакевич не на кафедре прикладной лингвистики в МГУ (с. 22), а в лаборатории автоматизации словарей в научно-исследовательском вычислительном центре МГУ, и т.д.

Подобные неточности легко исправимы. Суть же работы от этого не страдает. Автор нашла принципиально новый подход к анализу лексико-семантической группы слов, приближающихся по своей семантике к терминологическим. Замечания рецензента скорее являются рассуждениями на тему, выбранную А. А. Ким для своего исследования, и пожеланиями на будущее. К числу таких пожеланий может относиться настоятельная рекомендация сопоставить реконструированную автором по языковым данным селькупскую картину мира с картиной мира, уже известной по описаниям этнографов: совпали эти две реконструкции, противоречат одна другой, в чем-то отличаются друг от друга или удачно дополняют одна другую? Все сказанное свидетельствует о том, что данная тема неисчерпаема и может еще долго изучаться под разными углами зрения.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)